

Александръ I и польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ ¹⁾.

(По документамъ Вѣнской тайной полиціи).

Уѣзжая на конгрессъ въ Вѣну, Императоръ Александръ будто бы сказалъ: „J'irai puis qu'on le veut, mais je n'y ferai ni plus ni moins de ce que je veux“ ²⁾; и дѣйствительно, во всемъ, что касалось кардинальнаго вопроса, подлежавшаго обсужденію концесса, вопроса о Польшѣ—онъ такъ упорно настаивалъ на своемъ, что изъ-за его неуступчивости конгрессъ затянулся на всю зиму, и даже былъ моментъ, когда участники совѣщаній потеряли всякую надежду на благополучный исходъ переговоровъ и едва не разъѣхались изъ Вѣны. Въ этомъ случаѣ Меттернихъ ошибся, полагая, что съѣздъ монарховъ и ихъ министровъ ускорить и облегчить переговоры.

Задолго до начала конгресса, 25 іюня 1814 г., шведскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ сообщилъ своему министру, что королевство Польское, согласно заявленному Императоромъ Александромъ намѣренію, будетъ присоединено къ Россіи—„планъ, коимъ русскіе не особенно довольны, писалъ онъ; они не понимаютъ, почему Императоръ хочетъ создать этотъ призракъ королевства Польскаго, который будетъ напоминать полякамъ объ ихъ былой независимости и поддерживать въ нихъ надежду на ея возрожденіе“.

Намѣренія Императора Александра, о которыхъ писалъ

¹⁾ Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Eine Auswahl aus Ihren Papieren. Von August Fournier. Wien 1913.

²⁾ Я поѣду въ Вѣну, коль скоро этого хотятъ, но я буду дѣлать тамъ только то, что я захочу.

своему двору Гегардтъ, вызвали большую тревогу въ Вѣнѣ, гдѣ успокоились только тогда, когда стало извѣстно, что Меттерниху удалось вынудить у Императора обѣщаніе, что имъ не будетъ предпринято окончательныхъ шаговъ относительно Польши до обсужденія этого вопроса на конгрессѣ. „Хотя это ничего не предрѣшаетъ по существу, писалъ датскій посланникъ Вернсторфъ министру иностранныхъ дѣлъ Розенкранцу, но въ Вѣнѣ этому придаютъ большое значеніе, такъ какъ этимъ выигрывается время и устраняется возможность недоразумѣній, которыя возникли бы неизбежно, въ случаѣ слишкомъ рѣшительныхъ и поспѣшныхъ мѣръ“ со стороны русскаго Императора.

Представители Россіи, считая права Александра I на Варшавское герцогство неоспоримыми, пріѣхали на конгрессъ съ твердой увѣренностью, что они настоятъ на своемъ. По словамъ хорошо осведомленнаго лица, скрывавшаго въ донесеніяхъ свое имя подъ **, Анстедтъ еще въ исходѣ сентября говорилъ о возстановленіи Польши подъ протекторатомъ Россіи, какъ о чемъ-то несомнѣнномъ. „Это будетъ первое предложеніе, которое мы внесемъ на конгрессъ, говорилъ онъ; ежели будетъ видно, что остальные на это не согласны, то мы уложимъ свои пожитки и конгрессъ будетъ оконченъ“.

На самомъ дѣлѣ польскій вопросъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о будущемъ Саксоніи подалъ поводъ къ нескончаемымъ переговорамъ и пререканіямъ; въ исходѣ сентября и въ октябрѣ мѣсяцѣ положеніе казалось безвыходнымъ; всѣ полагали, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только войною. „Намъ такъ хорошо извѣстны честолюбивые замыслы Россіи“, говорилъ прусскій канцлеръ Гарденбергъ, „и они подали уже поводъ къ столь серьезнымъ объясненіямъ, что если бы мы были въ состояніи вести войну и встрѣтили бы поддержку со стороны прочихъ державъ, то война была бы объявлена очень скоро; съ другой стороны несомнѣнно, что если Россія получитъ Польшу, то года черезъ три—самое позднее, у насъ будетъ война, которой мы такъ стараемся избѣгнуть“.

Прусскій генералъ Шеллеръ, обсуждая вопросъ о возможности войны, говорилъ, что „моментъ для нея былъ не благоприятный, что слѣдовало выждать, пока поляки, коихъ королевство Александръ конечно и не подумаетъ возстановить, притѣсняемые русскими чиновниками, станутъ такъ недовольны своимъ положеніемъ, что будутъ готовы кинуться въ объятія того, кто явится ихъ освободителемъ“.

Въ первыхъ числахъ октября самъ Императоръ, бесѣдуя съ Талейраномъ, намекнулъ на возможность войны, и Талейранъ, какъ передавали въ Вѣнѣ, „имѣлъ смѣлость замѣтить, что въ такомъ случаѣ „il faudrait lui retirer le beau titre qu'on lui avait accordé de libérateur de l'Europe et lui en donner un autre“ ¹⁾, послѣ чего Александръ сталъ уступчивъ и въ ходѣ переговоровъ произошло нѣкоторый поворотъ и казалось, что ожиданіямъ польскихъ патріотовъ не суждено сбыться. Съѣхавшіеся въ Вѣну поляки имѣли въ это время продолжительную бесѣду съ кн. Чарторыйскимъ и послѣ этого какъ будто убѣдились въ необходимости подчиниться своей злосчастной судьбѣ. „Въ теченіе нѣсколькихъ дней они замѣтно волновались, было ясно, что они ожидали какого-то событія: они назначали другъ другу свиданія, перешептывались; ихъ трудно было застать дома и еще труднѣе было заставить ихъ высказаться. Они были страшно встревожены и, боясь выдать себя какимъ-либо словомъ, избѣгали говорить о польскихъ дѣлахъ, и тотчасъ умолкали, когда о нихъ заходила рѣчь“.

10 октября, „поляки были приглашены на обѣдъ къ графу Скарбеку и когда вино разгорячило ихъ головы, они стали разговорчивы. Скарбекъ насмѣхался надъ своими соотечественниками и доказывалъ имъ, что надобно быть безумнымъ или крайне недалъновиднымъ, чтобы хоть одну минуту серьезно думать, что Россія будетъ содѣйствовать возстановленію королевства Польскаго, отъ котораго рано или поздно ей можетъ угрожать опасность. Баваровскій обвинялъ русскій дворъ въ „fausseté“ и „manque de foi“ и увѣрялъ, что Императоръ не скупится на обѣщанія, чтобы усыпить поляковъ и парализовать ихъ, а затѣмъ поработить Польшу и взять себѣ лучшую часть этой несчастной страны. Броневскій радовался, что онъ не будетъ въ числѣ тѣхъ, кого судьба обречетъ на подданство Россіи. Остальные гости горевали о судьбѣ своей родины“. Въ тотъ же вечеръ выяснилась причина волненія, обнаруженнаго поляками: князь Адамъ Чарторыйскій категорически заявилъ имъ, что Императоръ Александръ, не видя возможности долѣе противиться намѣреніямъ Берлинскаго и Вѣнскаго дворовъ, рѣшилъ дать свое согласіе на раздѣлъ Польши; Пруссія, сказалъ онъ, получитъ свою долю съ городами Торномъ и Познанью, Австрія получитъ Краковъ, а Варшавское герцогство отойдетъ

¹⁾ Ему уже нельзя будетъ дать прекрасный титулъ освободителя Европы, а придется дать другой.

къ Россіи“. Князь Адамъ присовокупилъ, что „о королевствѣ Польскомъ“ во всякомъ случаѣ болѣе не можетъ быть рѣчи.

Между тѣмъ Императоръ Александръ Павловичъ всячески старался привлечь къ себѣ поляковъ. Г-жа Вальдштейнъ, рожденная Ржевусская, рассказывала, что когда она представлялась Императору, какъ русская подданная, такъ какъ почти всѣ помѣстья ея семьи находились въ русской Польшѣ, то Государь сказалъ ей:

„Вы не подданная моя. Поляки мои соотечественники. Мы принадлежимъ къ одной націи, у насъ одинъ языкъ, одни обычаи, одни интересы“. То же, по увѣренію г-жи Вальдштейнъ, Государь говорилъ въ Вѣнѣ всѣмъ полякамъ, и тѣмъ не менѣе, они не выказывали, какъ писалъ министру полиціи **, ни малѣйшаго восторга по поводу того, что Александръ I хотѣлъ именоваться королемъ польскимъ; они побаивались демократическаго вліянія Лагарпа и барона Штейна“, хотя, зная объ огромномъ вліяніи Лагарпа на образъ мыслей Императора Александра и о его дружескихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторыйскому, они заискивали въ немъ. „Весьма многіе поляки, осуждавшіе до сихъ поръ Меттерниха, писалъ ** Гагеру, превозносятъ его теперь за то, что онъ выказалъ столько характера при переговорахъ съ русскимъ Императоромъ. „Если бы Меттернихъ согласился на все то, что ему диктуютъ и приказываютъ Пруссія и Россія, конгрессъ скоро былъ бы оконченъ. Огрызаться на нихъ—*Ihnen die Zähne zeigen*—сопротивляться имъ, добиваться у нихъ уступокъ, проявлять при переговорахъ съ ними свой характеръ, можетъ только человекъ не заурядный“, говорили въ польскихъ кружкахъ.

Несмотря на благопріятную перемену, происшедшую въ настроеніи Александра I послѣ вышеупомянутаго разговора съ Талейраномъ, надежды дипломатовъ на то, что переговоры пойдутъ ускореннымъ темпомъ, не оправдались; Александръ Павловичъ вскорѣ сталъ вновь настаивать на своихъ требованіяхъ и когда Кестльри, въ половинѣ октября, письменно предложилъ ему посредничество Англіи въ переговорахъ съ Австріей, то Государь самъ отправился къ нему и „словесно подтвердилъ свое твердое намѣреніе сохранить занятое имъ Варшавское герцогство“. Перлюстрированное письмо дипломатическаго агента Валахскаго князя, Белліо, отъ 16 октября 1814 г., въ которомъ онъ сообщалъ князю о свиданіи Государя съ Кестльри, сохранилось въ архивѣ Вѣнской полиціи.

„Чтобы отвлечь Пруссію отъ Россіи, писалъ Белліо, въ

этомъ письмѣ, „Австрія соглашается на то, чтобы Пруссія получила, во всякомъ случаѣ, часть Саксоніи. Изъ двухъ золъ она выбираетъ меньше. Она согласна скорѣе отдать Пруссіи Саксонію, нежели отдать Россію всю Польшу. Дай Богъ, чтобы въ Вѣнѣ не ошиблись и чтобы Пруссія не держала и впредь въ тайнѣ сторону Россіи, которая добровольно предлагала ей Саксонію, тогда какъ Австрія соглашается на эту жертву по неволѣ, какъ на крайнее средство“.

Что касается англичанъ, они поддерживали всѣ проекты, клонившіеся къ увеличенію Пруссіи. „Это единственная держава“, говорили они, и которую мы можемъ противопоставить Россіи. Упорствуя относительно Польши, она слѣпо соглашается на всѣ уступки въ пользу Пруссіи и не видитъ, что противъ нея растетъ колоссъ“.

Французы громче всѣхъ негодовали противъ Россіи и Императора Александра, они перечисляли всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ по Тильзитскому миру, и говорили, что „Россія не должна получить никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, ей бы слѣдовало даже отказаться отъ кое-чего полученнаго ею ранѣе, чтобы стать въ равныя условія съ остальными державами“. Но русскій Императоръ, основываясь на договорѣ, заключенномъ съ Пруссіей, не принималъ никакихъ возраженій со стороны Австріи и Франціи и думалъ, отдавъ Пруссіи Саксонію, покончить дѣло однимъ росчеркомъ пера.

Перваго ноября, въ моментъ, когда начались наконецъ засѣданія конгресса, положеніе было таково: Россія занимала войсками Польшу и угрожала Галиціи; Пруссія оккупировала Саксонію и угрожала Богеміи. Баварин и Швабин навязывали конституцію, которой онѣ не желали, Австрія была вынуждена содержать въ Италіи многочисленную армію, что стоило ей огромныхъ денегъ, а въ Италіи, въ занятыхъ австрійскими войсками провинціяхъ, говорили, что „подъ владычествомъ Наполеона имъ было лучше, нежели подъ владычествомъ Австріи“.

Какъ на предварительныхъ переговорахъ, такъ и на самомъ конгрессѣ главнымъ камнемъ преткновенія были требованія, заявленныя Александромъ Павловичемъ въ польскомъ вопросѣ. Шведскій уполномоченный Гегардтъ писалъ министру Энгестрему 12 ноября, что Меттернихъ передъ самымъ открытіемъ конгресса рѣшительно заявилъ Императору Александру, что „Вѣнскій дворъ не можетъ отнестись равнодушно къ планамъ Петербургскаго кабинета относительно Польши, такъ какъ они не совмѣстимы съ равновѣсіемъ Европы и съ безопасностью

Австріи, поэтому австрийское правительство надеется, что Россія откажется отъ своихъ требованій, если она дорожить соглашеніемъ съ другими державами. Императоръ, раздраженный этими словами, спросилъ Меттерниха, „не думаютъ ли уже предписывать ему законы и отнять у него то, чѣмъ онъ владѣетъ—*le frustrer de ce qu'il possédait*—присовокупивъ, что ежели его пригласили въ Вѣну съ этой цѣлью, то очень ошибутся въ расчетъ. Пусть пошлютъ кого-нибудь въ Польшу пересчитать русскія войска, тогда найдутъ можетъ быть болѣе умѣстнымъ говорить съ нимъ инымъ тономъ“.

„Тотъ, кто передавалъ мнѣ этотъ разговоръ, пишетъ Гегардтъ, увѣряетъ, что Меттернихъ былъ до того озадаченъ (*disconcerté*) рѣзкимъ и энергичнымъ отвѣтомъ русскаго Императора, что, уходя, онъ едва могъ попасть въ двери“.

Въ Вѣнѣ говорили, что послѣ этой сцены было предложено дать Меттерниху въ помощники для переговоровъ съ представителями Россіи князя Шварценберга и гр. Стадіона, но оба они, подъ разными предлогами, отклонили это назначеніе.

Александръ былъ до того раздраженъ противъ Меттерниха, что не хотѣлъ болѣе вести съ нимъ переговоровъ. 8-го ноября, вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора былъ обѣдъ у швейцарскаго посланника Мюллера; на немъ присутствовали Лагарпъ и португальскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, Миранда.

„Лагарпъ, по словамъ Миранды, критиковалъ поведеніе Меттерниха и по способностямъ ставилъ его ниже Гарденберга, Телейрана и Штейна. Между прочимъ онъ высказалъ предположеніе, что Меттернихъ вскорѣ получить отставку“; „при своихъ блестящихъ способностяхъ, красивой наружности и умѣніи все обращать въ шутку, князь Меттернихъ имѣетъ скорѣе всѣ данныя, чтобы занимать мѣсто посланника, нежели министра великой державы“, сказалъ Лагарпъ. „Его пошлютъ вѣроятно въ Парижъ, гдѣ у него хорошія связи. Съ политической точки зрѣнія нехорошо и для интересовъ Австріи опасно имѣть министромъ челоуѣка, котораго націоналисты презираютъ, а иностранцы ненавидятъ. Прямо удивительно, до какой степени общественное мнѣніе возбуждено противъ него“.

Сужденія Лагарпа были, разумѣется, отголоскомъ его бесѣды съ Императоромъ Александромъ. Столкновенія Государя съ Меттернихомъ были темою оживленныхъ толковъ въ домѣ барона Тугута и вообще въ аристократическихъ кружкахъ Вѣны. Объ Императорѣ говорили, что онъ хотѣлъ поступать во Франціи

и въ Австріи такъ же деспотично, какъ въ Петербургѣ, и высказывали опасеніе, что постъ австрійскаго посланника въ Россіи будетъ пагубнымъ—un gouffre—для того, кто его займетъ; видя, какъ Императоръ держалъ себя въ Вѣнѣ, предполагали, что по возвращеніи въ Россію онъ будетъ относиться къ Австріи нетерпимо, подѣ влияніемъ инсинуанцій со стороны Пруссіи и своихъ фаворитовъ, Каподистрія, Штейна, Чарторыйскаго, Волконскихъ, Уваровыхъ и другихъ. „Можетъ ли бытъ, чтобы Австрія хотя-бы два года могла находиться въ добромъ согласіи и въ мирѣ съ такимъ непослѣдовательнымъ и измѣнчивымъ человѣкомъ, каковъ Императоръ Александръ“? говорилъ баронъ Тугутъ.

Таковы были опасенія, которыя высказывались въ Вѣнѣ на основаніи личныхъ впечатлѣній о ходѣ работъ конгресса и о столкновеніяхъ, происходившихъ между русскимъ Императоромъ и руководителемъ австрійской политики. Опасенія эти однако не сбылись: Императоръ съ теченіемъ времени примирился съ Меттернихомъ, а его ставленникъ на посту австрійскаго посланника въ Петербургѣ, Лебцельтернъ, цѣлыхъ десять лѣтъ пользовался исключительнымъ благоволеніемъ Государя и направлялъ его помыслы сообразно съ интересами Австріи¹⁾, но въ 1818 году, въ Вѣнѣ, Александръ Павловичъ какъ будто хотѣлъ оправдать слова, сказанныя имъ передъ отъѣздомъ на конгрессъ, и доводилъ его участниковъ до полнаго отчаянія. Несмотря на свое расположеніе къ императору Францу, Государь и его не разъ глубоко огорчалъ своими заявленіями. Такъ въ исходѣ ноября, Александръ заявилъ неожиданно, что онъ ничего не дастъ Австріи, даже Краковъ, и что если у него возьмутъ Польшу, то онъ прибѣгнетъ къ крайнимъ мѣрамъ. Это такъ потрясло императора Франца, что онъ заболѣлъ, и русскій Императоръ уже обсуждалъ вопросъ о томъ, не выѣхать ли ему изъ императорскаго дворца, и не переселиться ли въ домъ Разумовскаго; онъ остался во дворцѣ только ради Императрицы.

Въ это самое время Талейранъ имѣлъ снова аудіенцію у Императора. Разговоръ шелъ конечно о злополучной Польшѣ и о Саксоніи. Талейранъ былъ рѣзокъ (heftig). Императоръ разгорячился и сказалъ: *Vous avez la guerre*“.

¹⁾ См. Великій Князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 г.г. Спб. 1913 г.

„Vous perdez“, возразилъ Талейранъ.

Императоръ наморщилъ брови и бросилъ на него молниеносный взглядъ.

„Sire, il y va de votre gloire de pacificateur du monde gloire sur laquelle à Paris vous annonciez de vouloir prétendre“, продолжалъ Талейранъ, перефразируя то, что онъ однажды уже сказалъ Государю.

Эта аудіенція, о которой въ Вѣнѣ было много толковъ, произвела на Императора большое впечатлѣніе.

Въ исходѣ ноября Александръ, Павловичъ пошелъ на уступки и заявилъ, что дружеское расположеніе его къ своему союзнику, Императору Австрійскому побуждаетъ его уступить по нѣкоторымъ пунктамъ. Сторонники русской партіи громко высказывали свое сожалѣніе по этому поводу, превозносили великодушіе Александра и поносили Талейрана за то, что онъ вынудилъ союзниковъ противостоятъ желаніямъ Государя.

Оберъ-гофмейстеръ русской Императрицы, князь А. Голицынъ, передавалъ, что Императрица Елисавета Алексѣевна была недовольна тѣмъ, что ея супругъ не выказалъ достаточной твердости при переговорахъ, на что генералъ, которому онъ это рассказывалъ, замѣтилъ, что хотя Императоръ въ данный моментъ пошелъ на уступки и какъ будто отказался отъ своего излюбленнаго плана, но онъ все еще делѣтъ его въ душѣ и объ этомъ вопросѣ еще придется говорить серьезно“.

Несмотря на всеобщее утомленіе и желаніе покончить наскучившіе всѣмъ переговоры, въ январѣ еще ни по одному пункту не было достигнуто соглашенія, и Талейранъ имѣлъ поводъ ехидно замѣтить о союзникахъ, что „у нихъ не хватаетъ мужества открыто пойти на разрывъ и не хватаетъ ума, чтобы притти къ соглашенію“.

Генералъ Круковецкій—ярый революціонеръ и врагъ австрійскаго правительства, возвратясь въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. изъ Лондона, куда онъ ѣздилъ по порученію Императора Александра, рассказывалъ уже извѣстному намъ **, что Государь думаетъ, „что польскій народъ будетъ доволенъ тѣмъ, что его существованіе упрочилось и что ежели въ данную минуту нѣтъ возможности вернуть ему полную независимость, все-таки онъ, государь, далъ ему возможность добиться ея со временемъ подъ его покровительствомъ“. Такимъ образомъ Александръ поддерживалъ въ полякахъ несбыточныя надежды, въ осуществленіе которыхъ самъ едва-ли вѣрилъ, и которыя высказывались имъ съ цѣлью привлечь къ собѣ поляковъ, къ коимъ онъ очень скоро по

возвращеніи въ Россію охладѣлъ, также точно какъ къ конституціоннымъ и либеральнымъ идеямъ вообще. Императоръ былъ недоволенъ результатомъ конгресса; послѣднее время своего пребыванія въ столицѣ Австріи онъ былъ мраченъ и молчаливъ и однажды сказалъ королю Прусскому въ присутствіи князя Волконскаго:

„Soyez tranquille, voulant cimenter une paix durable on n'a fait que couvrir de cendres le feu d'une guerre inévitable qui devra éclater dans peu et déranger l'édifice politique projeté à Paris et exécuté à Vienne“¹⁾.

Въ мартѣ мѣсяцѣ когда всѣ спорные вопросы были наконецъ улажены, въ Вѣнѣ было получено извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, какъ громомъ поразившее союзныхъ монарховъ.

„Вотъ къ чему привели бесполезныя пререканія и медленность работъ конгресса“, воскликнулъ Талейранъ, говоря объ этомъ событіи съ Императоромъ Александромъ и упрекая его за его великодушіе, благодаря которому Наполеонъ былъ оставленъ на о. Эльбѣ. „Я не люблю сентиментальной политики, говорилъ Талейранъ; мы ей обязаны появленіемъ Наполеона и изъ-за нея испытываемъ снова всѣ ужасы революціи и войны“. Александръ I и король Прусскій, какъ передавали лица, видѣвшія ихъ непосредственно послѣ полученія извѣстія о высадкѣ Наполеона, „avaient tous les deux l'air bien concerné“, а Государь негодовалъ на то, что „въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, гдѣ поддерживается такой порядокъ, могли быть негодяи, которые безнаказанно выражали свои симпатіи Наполеону. „Изъ всѣхъ свѣдѣній, мною полученныхъ на этотъ счетъ“, говорилъ онъ, „меня поразило болѣе всего, что это говорятъ не французы, а по большей части разные фабриканты, преимущественно нѣмцы и швейцарцы; я полагаю, что французы, коихъ здѣсь очень много, раздѣляютъ это мнѣніе, но они по крайней мѣрѣ настолько осторожны, что молчатъ. Конечно, все это было бы еще опаснѣе, если бы за этими людьми не было учинено строгаго надзора“.

А что сказалъ бы Императоръ Александръ, если бы онъ зналъ, что съ появленіемъ Наполеона во Франціи поляки снова бредили только имъ.

¹⁾ „Мы хотѣли обезпечить прочный миръ, но будьте увѣрены, что пламя неизбѣжной войны еще глѣдетъ подъ пепломъ; она вскорѣ вспыхнетъ и опрокинетъ политическое сооруженіе, задуманное въ Парижѣ и осуществленное въ Вѣнѣ.“

Измумительные успѣхи Наполеона вызвали не мало тревоги въ Вѣнѣ; въ первый моментъ никто не зналъ, куда онъ направится; Талейранъ, говорившій объ немъ ранѣе какъ о чело-вѣкѣ конченномъ, увидѣлъ, что онъ ошибся. Тогда онъ сталъ говорить, что онъ ожидалъ „отъ корсиканца“ подобной вы-ходки, но это была неправда, въ его донесеніяхъ Людовику XVIII не говорилось ничего подобнаго. Напротивъ, изъ полицейскихъ донесеній видно, что Талейранъ только старался казаться спо-койнымъ; 8 марта онъ ѣздилъ въ Пресбургъ, гдѣ признался принцессѣ Лотарингской, что онъ „очень волнуется и не надѣется на преданность королю военнаго министра, маршала Сульта“.

Когда было получено извѣстіе о томъ, что Наполеонъ выса-дился въ Канны, Талейранъ успокоился и пророчилъ, что „этотъ чело-вѣкъ, не хотѣвшій покончить трагедіей, кончитъ фарсомъ“, но въ ближайшіе мѣсяцы на поляхъ Ватерлоо разы-грался не фарсъ, а послѣдній актъ кровавой драмы, измучив-шей Европу.

Въ исходѣ мая конгрессъ закончился; высокіе гости разъ-ѣхались изъ Вѣны; и, какъ выразился Талейранъ, „каждый уѣхалъ немного недовольный, каждому пришлось принести какую-нибудь жертву, но изъ совокупности этихъ жертвъ воз-никло общее благо“.

В. Тимошукъ.

